УДК 821.161.1

Т.М. Марченко

ИНФРОМАН «ЖЕЛЕЗНАЯ ЖЕНЩИНА» Н. БЕРБЕРОВОЙ В КОНТЕКСТЕ МЕМУАРНО-БИОГРАФИЧЕСКОЙ ЖАНРОВОЙ ПАРАДИГМЫ XX В.

Историки русской литературной эмиграции единодушны в своих оценках Н. Берберовой как яркого и самобытного художника, «уверенно чувствовавшей себя чуть ли не во всех жанрах – стихах, прозе, эссеистике, литературной критике». Общепризнан и тот факт, что «самые важные и дорогие для себя мысли она приберегла для книг, написанных в виде документального повествования» [4]. Главный читательский успех и восторженные отзывы критиков и литературоведов достались её автобиографической книге «Курсив мой», первое, английское издание которой состоялось в 1969 году, а русское – в 1972. Значительно меньшего внимания удостоилась «Железная женщина» (Нью-Йорк, 1981), пришедшая к русскоязычному читателю благодаря публикации в «Дружбе народов» в 1989 году. Между тем, жанровая природа книги столь необычна, что обеспечила ей заметное, новаторское место среди многочисленных произведений мемуарно-биографической литературы XX века. Размышлениям над её генологической спецификой посвящена настоящая статья.

Метафорическое название книги – «Железная женщина» и её подзаголовок – «рассказ о жизни М.И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях» обозначают её биографическую основу. Как и названия шести глав – «Начала», «Любовь и тюрьма», «Борьба», «Итальянское интермеццо», «Сделка», «Жить, чтобы выжить», обозначающие основные вехи жизненного пути главной героини. По мнению А. Вознесенского, снабдившего русское издание книги небольшой вступительной статьёй: «Это увлекательное документально-страшное ***жизнеописание*** (курсив наш – Т. М.) баронессы М. Будберг – пленительной авантюристки, сквозь сердце которой

© *Т.М. Марченко, 2017*
http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.1146263

прошли литературные и политические чемпионы столетия – как-то: М. Горький, Уэллс, Локкарт, Петерс и другие. <…> Она была отважной Мурой литературных и политических салонов, держала мировую игру, где риск и ставки были отнюдь не меньше. Она ходила по канату между Кремлем и Вестминстером» [3].

Жанровая номинация, данная писательницей – «рассказ о жизни…» и определение автора вступительной статьи – «документально-страшное жизнеописание» синонимичны термину «биография», обозначающему художественную форму с ярко выраженным документальным началом, основанную на использовании фактов. Интересно, что «невыдуманная проза» [6, с. 4] Н. Берберовой базируется на «эго-документах», её собственных письмах, записках и заметках, воспоминаниях и дневниках. В точности по М.М. Бахтину – первичные жанры, появившиеся в ситуации повседневности, стали фундаментом для возникновения вторичного, значительно более сложного художественно-документального жанра, биографии, или инфромана [1, с. 239]. Н. Берберова не просто автор, но современница своей героини, очевидец и участник описываемых событий. Благодаря её свидетельствам в воображении читателей воссоздаётся образ железной женщины. «Я не оцениваю и не сужу Муру, не навязываю читателям своё мнение о ней и не выношу ей приговора. Я стараюсь сказать о ней всё то, что мне известно <…>Я три года прожила с ней под одной крышей и сохранила о ней свои записки <…> Здесь все факты, которые я старалась спасти от забвения. Источники мои – это документы и книги от 1900 до 1975 г.» [2].

Факты, приведенные и определённым образом сгруппированные и интерпретированные писательницей, разрушают стереотип традиционной женственности, и создают образ человека, который не вписывается в свою среду, в своё поколение и в свою эпоху. Мария Игнатьевна Закревская, в замужествах Бенкендорф и Будберг, а для друзей и близких просто Мура, лишена «типичных ”институтских” привычек и свойств: слабонервности, искренней или наигранной восторженности, отрешённости от русской реальности <…> Она не принадлежала ни к вышивающим, ни к приседающим», – пишет

Н. Берберова [2]. В отличие от большинства русских девушек её круга, завершать образование, буквально накануне первой мировой войны, она едет в Англию, а не во Францию, или в Германию. В военные годы Мура работает в Петербурге, в военном госпитале. Ей чужды «глупые, чванные, толстые распутинки, жёны крупных чиновников и дамы высшего круга». В годы революции она стоически переживает убийство мужа, насильственную разлуку с любимым (английским дипломатом Брюсом Локкартом – Т. М.) долгую, трагическую оторванность от детей, бездомность.

Образ «железной Муры» базируется на оппозиции «сильная женщина – слабый мужчина», которая проходит сквозь всю линию биографического повествования о судьбе героини. В то время как её муж, И. Бенкендорф, безвольно вовлечён в стихию революционных событий в Прибалтике и становится их жертвой, она, рискуя жизнью, отправляется в Петроград, дабы выяснить все возможности их дальнейшего существования и выживания. В московский период, не менее опасный и трагический, Н. Берберова воссоздаёт новую вариацию всё той же оппозиции – Б. Локкарт гораздо более, чем Мура склонен к иллюзиям и к англо-саксонскому «всё образуется». Она же уверена: «никто не даст ей ни стипендии, ни нового платья, ни квартиры с лифтом <…> необходимо искать и найти тех, кто поднялся после революции, гражданской войны, ”красного террора”, найти доучившихся недоучек, залечивших переломанные кости, тонувших, но добравшихся до твёрдой земли» [2]. Именно эти поиски и привели её в квартиру М. Горького в Кронверкском переулке. Но и здесь: «ей бы кутаться в кружева и смотреть на него (т.е. Горького – Т. М.) выжидающими глазами, выжидающими его решения её судьбы, но она вовсе ничего не ждёт от него и ничего не просит. А у него и решения нет» [2]. По свидетельству Н. Берберовой, Мура была очень дружна с Ходасевичем, любила говорить с ним потому, что тот умел слушать и не давать советов, в которых она не нуждалась.

В «эго-документах», на которых основан текст книги «Железная женщина», зафиксирован и факт сознательного мифологизирования героиней своей жизненной истории. Она «создавала и выращивала

свой миф», поощряя рассказы В. Ходасевича об Аграфене Закревской, «медной Венере» Пушкина, якобы её бабушке, часто избегая прямых ответов на вопросы о себе и своих близких, искусственно культивируя английский акцент. «Она лгала, но, конечно, не как обыкновенная мифоманка или полоумная дурочка. Она лгала обдуманно, умно <…> чтобы выжить, ей надо было быть зоркой, ловкой, смелой и с самого начала окружить себя легендой» [2]. Вместе с Мурой творит и выращивает её миф и сама Н. Берберова. Показательно, что она ассоциирует себя с муравьём, а Муру – с леопардом и с ястребом. Вспоминая годы тесного общения с героиней своей книги, её манеру вести себя, она констатирует, что «это всё было не совсем правда или наверно даже не вся правда». На речевом уровне книге нередки оговорки типа «о ней было известно...», «считалось…», «на самом деле…», «единственное, что было правдой…», которые диссонируют с заявленной уже в предисловии установкой на строгую документальность, «ибо оба плана составляют эту книгу…» [2]. Писательница повторяет легенду, «запущенную» в обиход Мурой: она сожгла свои бумаги, которые накопились после второй мировой войны в Лондоне, а те, которые хранились в Таллине, сгорели во время наступления Советской Армии. «Так она говорила», – пишет автор инфромана, допуская при этом вероятность того, что эти бумаги неожиданно всплывут в будущем.

Стараясь сохранить бесстрастность и объективность собственных оценок, Н. Берберова не может не отметить в характере Муры кошачьих черт, чего-то мягкого и сладкого, манеры «играть в кошечку». Именно играть, ибо такое поведение, это средство притворяться, скрывать от окружающих свою истинную суть, мысли, чувства и намерения, это часть мифа. С годами, в этом кошачьем всё чаще проявляется не мягкость и гибкость, а нечто звериное.

Неординарность личности героини, необычность её судьбы, несомненно, дают писательнице основания для биографического в основе своей замысла. Но, как видим уже из авторского предисловия, замысел этот много сложнее. Неординарной героиню делает её время – век бурных социальных потрясений и железных решёток,

которому она решается противостоять, чтобы выжить, и делает это, проявляя поистине железную волю. «Обстановка и эпоха – два главных героя моей книги», – пишет Н. Берберова, отмечая, что все, кому довелось родиться между 1890 и 1900 годами, были захвачены событиями, связанными с революциями и мировыми войнами, грандиозными социальными экспериментами «экзистенциально и часто – трагически» [2].

Приведенная нами авторская констатация актуализирует вторую существенную генологическую составляющую книги – автор ощущает себя не только и не столько биографом, сколько мемуаристом. Биография героини, личность которой она ассоциирует то с Матой Хари, то с Лу Саломе, по мере развития повествования отходит на второй план, перемежается с целым рядом других биографических фрагментов, повествующих о жизни других известных и неизвестных, не всегда «железных» представителей того поколения. Вопреки авторскому подзаголовку книги, далеко не все они – друзья героини, занявшие видное место в её судьбе и в силу этого вошедшие в биографическое повествование. Среди них – английский дипломат и разведчик сэр Роберт Брюс Локкарт, капитан Жак Садуль, коммунист, член французской миссии в Москве в 1917-1918 гг., американский полковник, начальник миссии Красного Креста в революционной России Реймонд Робинс, известная актриса и революционерка, вторая жена М. Горького М.Ф. Андреева, член русской и немецкой социал-демократической партии, провокатор и шпион Александр Парвус, заместитель Ф.Э. Дзержинского Петерс и его агенты Березин и Шмидхен, советский дипломат Фёдор Раскольников. Каждому из таких героев в книге посвящён отдельный фрагмент, своеобразная «минибиография» или «биография в биографии». В связи с реконструкцией обстоятельств жизни главной героини книги ярко и подробно восстановлены значительные периоды жизни её знаменитых любовников – М. Горького и Г. Уэллса.

Совершенно очевидно, что Н. Берберова пытается осмыслить не обстоятельства отдельной судьбы, но исторический контекст жизни своей героини, да и своей собственной жизни, ведь и она сама – из

того трагически изломанного временем поколения. Реконструкции этого исторического контекста как раз и способствуют многочисленные жизнеописательные фрагменты, прямо или косвенно связанные с основной биографией баронессы Будберг, насыщающие её текст дополнительной фактографией, информацией об эпохе и целом поколении, обреченном «не выжить»….Именно благодаря этим «минибиографиям» выстраивается довольно якая картина политико-дипломатической, культурной жизни России и Европы, хронологически охватывающая более полувека. И довольно полная биография главной героини книги, и биографические эпизоды о многочисленных представителях её поколения – страницы «малой истории» помогают читателям постичь и осознать «большую историю».

Для нас ценны наблюдения Э.С. Малыхиной о сбалансированности публицистического и художественного начал в книге – наряду с многочисленными документами, свидетельствами, конкретными фактами, не менее важны традиционные элементы поэтики – сюжет, композиция и т.д. Характеры героев заявлены декларативно, без особых художественных ньюансировок. Здесь нет характеризующего их быта и нагнетания соответствующей атмосферы, символических деталей или поведенческой вариативности. На создание образов героев «работают» факты [5], от себя добавим – определённым образом сгруппированные и интерпретированные.

Синтезируя мемуарное и биографическое в своей книге, Н. Берберова выполняет роль «культурного транслятора» документальной информации о своей эпохе читателям последующих поколений и, одновременно, роль её «художественного организатора».

Симптоматично, что ни сам текст «Железной женщины», ни предваряющее его авторское предисловие, не обнаруживают явных отсылок к богатейшей русской жанровой традиции, в частности к женской мемуаристике, восходящей к Н.Б. Шереметевой и Е.Р. Дашковой, а в XIX веке и на рубеже XIX–XX вв. представленной десятками довольно известных имён (Н.А. Дурова, А.Я. Панаева, А.О. Смирнова, Е.А. Сушкова, А.Ф. Тютчева, А. Вырубова и др.).

Принадлежность к поколению русских младоэмигрантов обусловила прочную приверженность Н. Берберовой к усвоению западного опыта. Она сама совершенно определённо обозначила тех, кто был для неё творческим ориентиром, подвиг на эксперименты в области художественной формы. Это Литтон Стречи и Андре Моруа, «два великих биографа, два больших европейских писателя, упорядочившие хаос в области, которую им суждено было прославить и обновить» [2]. И ещё один непререкаемый авторитет – американец Лион Эдель, автор романа «Жилище львов», монументальной биографии Генри Джеймса, великий интерпретатор фактов. Именно их опыт, накопленный в эпоху деперсонализации человеческой личности, и, одновременно, мощного роста интереса к истории, позволили писательнице рассказать о своём времени и современниках в форме мемуарно-биографического повествования.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 424 с.
2. Береберова Н. Железная женщина. URL: http://www.rulit.me/books/zheleznaya-zhenshchina-read-58799-1.html
3. Вознесенский А. Инфроман. Рассказ о жизни М.И. Закревской-Бенкендорф- Будберг, о ней самой и её друзьях. Н. Берберова. Железная женщина. URL: http://www.rulit.me/books/zheleznaya-zhenshchina-read-58799-1.html
4. Костырко С. Выжить, чтобы жить. О книгах Н. Берберовой «Железная женщина», «Курсив мой», «Аккомпаниаторша». URL: http://www.magazines.russ.ru/ project/ arss/ezheg/kostyr.html
5. Малыхина Э.С. Типология героев в прозе Н. Берберовой: автореф. дис. … канд. филол. наук: спец. 10.01.01 Русская литература. Москва, 2013. 21с.
6. Местергази Е.Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века): автореф.дис. … доктора филол. наук: спец. 10.01.08 Теория литературы. Текстология. Москва, 2008. 49с.

Анотація

Т.М. Марченко. Інфроман «Залізна жінка» Н. Берберової у контексті мемуарно-біографічної жанрової парадигми ХХ ст.

Стаття присвячена проблемі жанрової своєрідності книги Н. Берберової «Залізна жінка», яку письменниця визначила як інфроман. Ключем до осмислення художньої форми твору ми вважаємо авторський підзаголовок «розповідь про життя…» та визначення автора передмови А. Вознесенського «документально-страшний життєпис», які синонімічні терміну «біографія». Разом з тим, другим суттєвим планом авторського задуму стало зображення історичного контексту життєвого шляху головної героїні М.І. Закревської-Бенкендорф-Будберг, відтворення реалій її епохи, обставин трагічного існування цілого покоління, приреченого на вимирання. Це привносить до художньо-документального тексту мемуарні риси. Синтез цих двох планів, жанрова дифузія призводить до виникнення цікавої трансформації, яку можна визначити як «історія у формі біографічної оповіді». Тож досліджувана нами книга посідає новаторське місце у мемуарно-біографічній жанровій парадигмі ХХ століття.

Ключові слова: жанр, біографія, мемуари, жанрова дифузія, художня форма, его-документ, документальна література

Аннотация

Т.М. Марченко. Инфроман «Железная женщина» Н. Берберовой в контексте мемуарно-биографической жанровой парадигмы XX в.

Статья посвящена проблеме жанрового своеобразия книги Н. Берберовой «Железная женщина», которую писательница обозначила как инфроман. Ключом к осмыслению художественной формы произведения мы считаем авторский подзаголовок «рассказ о жизни…» и определение автора предисловия А. Вознесенского «документально-страшное жизнеописание», которые синонимичны термину «биография». Вместе с тем, другим существенным планом авторского замысла стало изображение исторического контекста жизненного пути главной героини М.И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, воссоздание реалий её эпохи, обстоятельств трагического существования целого поколения, обречённого на вымирание. Это привносит в художественно-документальный текст мемуарные черты. Синтез этих двух планов, жанровая диффузия приводит к возникновению интересной трансформации, которую можно обозначить как «история в форме биографического повествования». Таким образом, исследуемая нами книга

занимает новаторское место в мемуарно-биографической жанровой парадигме XX столетия.

Ключевые слова: жанр, биография, мемуары, жанровая диффузия, художественная форма, эго-документ, документальная литература

Summary

T.M. Marchenko. "Iron Woman" by N. Berberova in the Context of the Memoirs-Biographical Genre Paradigm of the XXth Century.

The research paper is on the problem of the genre originality of "Iron Woman" by N. Berberova, which the author defined as an infnovel. The key to understanding the art form of the work is the writer's subtitle "life story" and A. Voznesensky's definition "documentary life story". The latter was the author of the book's foreword. At the same time, another important object of the writer was depicting the historical background of the main character's life journey, her epoch and the tragedy of a whole generation doomed to death. This adds certain features of memoirs to the fiction-documentary text. The synthesis of these two plans, the genre fusion leads to the emergence of an interesting transformation, which can be defined as "history within a biographical story". Thus, the book under analysis is considered to be innovative in the context of the memoirs-biographical genre paradigm of the XXth century.

Key words: genre, biography, memoirs, genre fusion, art form, ego-document, documentary literature.

Інформація про автора

Марченко Тетяна Михайлівна – доктор філологічних наук, професор кафедри світової літератури, заступник директора з науково-педагогічної та навчально-методичної роботи Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет»; вул. Василя Першина, 24, м. Бахмут Донецької обл., Україна, 84511; http://orcid.org/0000-0001-6062-0517